

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(4-11)“15/19”:(47+57)Р+474.2+474.3

НАЧАЛО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ: НАБЕГ РУССКИХ ВОЙСК В ЛИВонию ЗИМОЙ 1558 ГОДА

В.В. ПЕНСКОЙ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Статья, написанная с использованием значительного числа российских и ливонских источников, посвящена начальному этапу Ливонской войны 1558-1583 гг. Основное внимание в ней уделено описанию боевых действий в Ливонии зимой 1558 г.

Ключевые слова: Восточная Европа в раннем Новом времени, международные отношения в Восточной Европе в XVI в., Ливонская война.

Ливонская война по праву считается одним из ключевых событий истории Восточной Европы на переломе позднего Средневековья и раннего Нового времени. Длившаяся четверть века, с 1558 по 1583 гг. и втянувшая в свою орбиту, прямо или косвенно, множество больших и малых государств, она оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие региона. И, касаясь причин этой войны, трудно не согласиться с мнением отечественного историка А.И. Филюшкина, отмечавшего, что этот конфликт стал порождением ливонского и балтийского вопросов. Эти же вопросы были связаны прежде всего с дележом наследства «больного человека» Восточной Европы, каким стала в силу целого ряда как объективных, так и субъективных причин (разбор которых не входит в нашу задачу) Ливонская «конфедерация»¹ к середине XVI в., и борьбой за господство на Балтике².

Казалось бы, что с учетом всего вышесказанного Ливонская война (или, как весьма обоснованно предположил все тот же А.И. Филюшкин, Балтийские войны³) должна была бы стать объектом пристального внимания историков, и, на первый взгляд, так оно и есть. Но при внимательном анализе историографии проблемы приходится признать, что полноценного, комплексного и всестороннего исследования по истории Ливонской

¹ В дальнейшем мы будем для удобства использовать этот термин для обозначения конгломерата больших и малых государственных и квазигосударственных образований на территории Прибалтики, сложившегося к сер. XVI в.

² Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв. М., 2010. С. 91. См., к примеру, также: Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648). Т. I. Борьба за Ливонию. СПб., 1893. С. 253.

³ Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны... С. 80-94.

войны в отечественной, да и в зарубежной, историографии, по существу, до сих пор нет. Исследованию подвергались лишь некоторые аспекты и страницы ее истории. По большому счету единственной отечественной работой, в которой была сделана попытка сделать целостный очерк ее истории, является вышедшая более полувека назад книга В.Л. Королюка «Ливонская война», носящая, к сожалению, в большей степени научно-популярный, чем научный, характер⁴.

Отметим также, что и собственно военный аспект Ливонской войны не получил достаточно полного и всестороннего освещения. Боевые действия рассматривались как отечественными, так и зарубежными историками фрагментарно, в общем контексте войн, что вела Россия при Иване Грозном, или же, как составная часть дипломатической борьбы в Балтийском регионе во 2-й пол. XVI в.⁵ Так что есть все основания согласиться с парадоксальным, но лишь на первый взгляд, мнением А.И. Филюшкина, писавшего с горечью, что «среди войн, которые вела Россия на протяжении своего существования, Ливонская – одна из самых незначительных»⁶. Между тем состояние и доступность (не в последнюю очередь благодаря развитию Internet'а) источниковой базы конфликта позволяет уже сейчас если не досконально, то, во всяком случае, достаточно полно осветить основные вехи войны и ее главные события, причем с учетом точки зрения главных враждующих сторон. И если взять первую, собственно ливонскую фазу этой войны (от момента ее начала до распада Ливонской «конфедерации», т.е. с 1558 до 1561 гг.), то из русских источников в первую очередь заслуживают упоминания разрядные книги – как официальные, так и частные, а также летописи и «История о великом князе Московском» А.М. Курбского. К ним добавляются источники собственно ливонские источники – прежде всего акты, собранные и опубликованные Фр. Бинеманном и К. Ширреном, а также ливонские же хроники⁷. Сопоставление сведений, содержащихся в русских и ливонских источниках, позволяет реконструировать ход событий и оценить их масштаб и последствия.

История Ливонской войны 1558-1583 гг., как это обычно бывает, началась задолго до того, как прогремели первые залпы пушек. И снова процитируем А.И. Филюшкина, который писал, что «в середине XVI века сошлись несколько факторов, из-за которых передел балтийского мира стал неизбежен». Это и упадок немецких рыцарских орденов, обосновавшихся в Прибалтике и Пруссии, и стремительное ослабление некогда могущественного союза северогерманских городов – Ганзы, и освобождение из-под власти Дании Швеции с Норвегией, и стремление Польши и Литвы, объединенных личной унией распространить свою власть и влияние на орденские владения, и желание России поставить под свой контроль отлаженную веками систему посреднической торговли, которую вели прибалтийские города, обеспечив тем самым себе беспрепятственный доступ на

⁴ Королюк В.Л. Ливонская война. М., 1954.

⁵ См., например, соответствующие разделы в работах отечественных историков: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004; Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003 и др. Среди исследований зарубежных историков заслуживают упоминания, к примеру, следующие: Frost R. The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558-1721. Edinburgh, 2000; Kirby D. Northern Europe in the Early Modern period: The Baltic World 1492-1772. New York, 1990; Kirchner W. The Rise of the Baltic Question. Westport, 1970; Oakley S. War and Peace in the Baltic: 1560-1790. London, 1992; Urban W. The Livonian Crusade. Washington, 1981 and others.

⁶ Филюшкин А.И. Андрей Курбский. М., 2008. С. 88. Кстати, он является автором исследования, посвященного военной истории России времен Ивана Грозного, в которой немало места уделено описанию боевых действий в годы Ливонской войны (см.: Filjushkin A. Ivan the Terrible: a Military History. London, 2008).

⁷ См., например: Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913; Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005; Ниенштедт Ф. Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883; Летописный список, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000; Разрядная книга (далее РК) 1475-1598. М., 1966; РК 1475-1605. Т. II. Ч. I. М., 1981; Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879; Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands (далее Archiv). Neue Folge. Bd. II. Reval, 1862; Bd. IX. Reval, 1883; Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562 (далее Briefe). Bd. I. Riga, 1865; Bd. II. Riga, 1867; Henning S. Liffländische Churländische Chronica von 1554 bis 1590. Riga, 1857; Renner J. Livländische Historien. Göttingen, 1876. О хронике Реннера см.: Филюшкин А.И. Особенности рассказа о Ливонской войне хроники Иоганна Реннера // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1 (9). Январь–Июнь. С. 93-100.

рынки северной Европы и к западноевропейским технологиям, прежде всего военным и, как это принято сегодня говорить, «двойного назначения». «Все эти желания и чаяния всех стран Балтийского региона предполагали одно и то же: Ливонский орден должен прекратить существование и послужить во благо других государств своими территориями, городами, деньгами и прочими ресурсами и богатствами», – завершал свою мысль историк⁸. Ослабшая, раздираемая внутренними противоречиями и смутой Ливонская «конфедерация» уже не могла противостоять желанию соседей полакомиться ею, и была обречена.

Эскалация конфликта разворачивалась постепенно. В 1551 г. истек срок очередного русско-ливонского перемирия, однако переговоры о подписании нового соглашения начались только в 1554 г. Они закончились тем, что перемирие было продлено на 15 лет при условии, что ливонцы не будут препятствовать транзитной торговле и проезду иностранных специалистов, приглашенных служить московскому государю, восстановят православные церкви, что были разрушены в ходе Реформации в ливонских городах, не будут заключать союз с Литвой и Польшей против России, и, last but not least, выплатят Москве 60 тыс. талеров «юрьевской дани».

Между тем еще в 1552 г. король Польши великий князь литовский Сигизмунд II обговорил со своим вассалом герцогом Пруссии Альбрехтом Гогенцоллерном план захвата Ливонии, чтобы та не досталась московитам. И при первой же возможности Сигизмунд попытался реализовать этот план. Вмешавшись на стороне своего ставленника рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского в так называемую «войну коадьюторов» 1556 г., он навязал Ордену Позвольский мир⁹.

Среди его статей были две, в особенности задевавшие интересы Москвы – согласие Ордена на союз с Польшей против Москвы и обязательство Ордена содействовать Польше в недопуске в Россию иностранных специалистов. И здесь уже не так уж и важно, полагали ли в Москве факт заключения этого договора *casus belli* или нет. Позвольские соглашения и открытое вмешательство Польши и Литвы в ливонские дела, проволочки ливонцев с выплатой «юрьевской дани», усиливавшаяся блокада Русского государства – все это, да и не только это, делало войну неизбежной. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Ивана Грозного, стали переговоры, проходившие в Москве в декабре 1557 г. между ливонскими послами и представлявшими русскую сторону окольными А.Ф. Адашевым и дьяком И.М. Висковатым.

Эти переговоры проходили в достаточно напряженной обстановке – Адашев и Висковатый настаивали на выполнении условий соглашения 1554 г., тогда как ливонцы всячески старались уменьшить размеры дани, которую они были готовы выплатить. Иван демонстративно поигрывал «мышцей бранной» и, надо полагать, вряд ли случайно прекращение переговоров совпало по времени с ежегодным смотром московской артиллерии и стрельцов. Правда, ливонские послы на нем не присутствовали, но были осведомлены о нем. Как писал член посольства Т. Хернер, расставшись с Адашевым и Висковатым, он и его товарищи, возвращаясь на выделенное им московское подворье, обратили внимание, что «перед царским дворцом сидело на конях множество военачальников Г[осударя] Вел[икого] Князя. Вслед за нами отправился в поле на коне Вел[икий] Князь, сопровождаемый огромной толпой стрельцов; наш же пристав не позволил нам смотреть на Вел[икого] Князя и его толпу, но понуждал (нас) ехать прямо на подворье. После сего через час времени Вел[икого] Князь приказал открыть пальбу из больших и малых орудий, которая продолжалась целый день»¹⁰.

Гром пушек и трескотня стрелецких пищалей, которому незадачливые ливонские послы внимали на протяжении целого дня, вкупе с известиями о том, что на границе Ливонии собралось огромное московское войско (по словам Висковатого – не много ни мало, а целых 200 тыс.¹¹), были более чем недвусмысленным намеком о тех печальных пер-

⁸ Филлюшкин А.И. Андрей Курбский. С. 88-91.

⁹ Об этой войне и о договоре см.: Попов В.Е., Филлюшкин А.И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151-184.

¹⁰ Дневник ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу // ЧОИДР. 1886. № 4. IV. Смесь. С. 18.

¹¹ Там же. С. 15.

спективах, которые ожидали в очень скором будущем скупых ливонцев, отказывавшихся платить по предъявленному счету.

Сбор рати «на маистра Ливонского и на всю землю Ливонскую», кстати, начался еще в ноябре 1557 г., когда Иван Грозный отправил в Новгород воевод во главе с князем М.В. Глинским и Д.Р. Юрьевым, «людей с воеводами со всеми ноугороцкими и псковскими всеми и из московских городов выбором многих», а также бывшего казанского царя Шигалея и двух «царевичей» Кайбулу и Тохтамыша крымского с татарами, черемисой и даже «черкасских князей Ивана Маашика з братиею» – воистину нашествие «двунадесят язык»!¹² Интересно сравнить то, как описывали эту рать сами ливонцы, с теми сведениями, что сохранились в русских документах. Сведения, которые содержатся в хрониках (например, И. Реннер писал о почти 65 тыс. московитов, вторгшихся в Ливонию¹³), брать в расчет не стоит, поскольку они носят явно пропагандистский характер, чего не скажешь о данных, фигурирующих в переписке орденских должностных лиц. Согласно донесениям с мест и показаниям пленных они оценивали численность царского войска примерно в 21 (или 33) тыс. людей, в т.ч. 1 тыс. *schutzen* (стрельцов), большей частью на конях. Тяжелой артиллерии у русских не было, лишь 3 дюжины «*telhakenn*» или «*göge*» (гаковниц, легких орудий, фальконетов?), вооружение конных воинов составляли копыя, луки и сабли, а в качестве защиты многие имели кольчуги¹⁴.

Согласно же русским разрядам, войско, собравшееся в поход против ливонцев из Пскова, состояло из пяти полков (Большого, Передового, Правой илевой и Сторожевого) под началом 10 воевод, под которыми «ходили» 38 сотенных голов (соответственно 13, 8, 7 и по 5), а также упоминавшихся выше татар, черемис и «пятигорских черкас». В войско были включены по меньшей мере два стрелецких прибора – Тимофея Тетерина и Григория Кафтырева.¹⁵ Эти сведения, при сравнении их с данными Полоцкого разряда 1562/1563 гг., позволяют примерно представить, какой была численность царской рати. Так, в том же Полоцком походе участвовало почти 400 выборных дворян и около 3,3 тыс. новгородских и псковских детей боярских и «земцев»¹⁶, что практически один в один совпадает с числом «сотенных» голов в рати М.В. Глинского и Д.Р. Юрьева! И если считать, что каждый из них привел в среднем одного послужильца и одного кошевого, то только «русский» компонент конной рати составлял порядка 7-7,5 тыс. бойцов и до 3,5-4 тыс. обозников-кошевых. Кстати, выборные дети боярские могли выставить и больше – достаточно посмотреть результаты смотра 1556/1557 г., зафиксированные в так называемой «Боярской книге». К примеру, Русин Данилов сын Игнатъев был «в Неметцком походе 64 (т.е. в 1556 г. против шведов – В.П.) сам в доспесе; людей его 4 (ч), в них (ч) в доспесе, (ч) в тегиляе», Степан Федоров сын Нагаев «в Неметцком походе людей его 4 (ч), в них 1 (ч) в доспесе, а 3 (ч) в тегиляех», Ждан Андреев сын Вешняков – «в Неметцком походе людей его 7 (ч), в них 5 (ч) в доспесех, 2 в тегиляех», Федор Левонтъев сын Соловцов – «в Неметцком походе людей его 4 (ч), в них 3 в доспесех, а (ч) в тегиляе; да с Федором же 2 сына его – Иванко в доспесе да Данилко в тегиляе»¹⁷.

К московским, новгородским и псковским детям боярским и дворянам необходимо добавить 3 тыс. татар (под Полоцком около 4 тыс. чел.), и это число, названное русским пленным, отнюдь не представляется преувеличенными. Остались еще 1 тыс. стрельцов (2 названных выше прибора) и, возможно, некоторое количество казаков, и в итоге выходим на примерную численность русской рати в 12-14 тыс. «сабель» и «пищалей» и еще

¹² ПСРЛ. Т. XIII. С. 259.

¹³ Renner J. Op. cit. S. 164.

¹⁴ Archiv. Bd. II. S. 97, 98, 120; Briefe. Bd. II. S. 38.

¹⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 259, 261; РК 1475-1598. С. 170-171; РК 1475-1605. Т. II. Ч. I. С. 17-22; РК 1550-1636. Т. I. М. 1975. С. 72-73.

¹⁶ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 125-128. Кстати, имперский посланник И. Гофман, отчитываясь перед императором Фердинандом I о своей поездке в 1559-1560 гг. к Ивану Грозному, писал, что после провала переговоров в конце 1557 г. русский великий князь отправил на ливонцев некоего князя Яновича (можно только догадываться, кого имел в виду Гофман, уж не Глинского ли?) с 400 «боярами» (sic – !) и «многими другими простыми воинами» (Мадиссон Ю.К. Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559-1560 гг. // Исторический архив. 1957. № 6. С. 137). И снова слишком уж точное совпадение числа «бояр» в январском 1558 г. походе в Ливонию и выборных дворян, что входили в состав государева полка в Полоцком походе!

¹⁷ Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 83, 84, 87.

около 4-5 тыс. в обозе – в сумме до 18 или около того тыс. людей во всей царской рати. Одним словом, если ливонцы и преувеличили численность московского войска, то ненамного¹⁸.

Задача, которая была поставлена царем перед воеводами, посланными наказывать ливонцев за их «неисправленье» (согласно показаниям пленных), была проста – «brennen, mordden, rauben» (попросту говоря, жечь, убивать, грабить). Об этом же пишет, к примеру, и Б. Рюссов, автор «Ливонской хроники»: «Московит (т.е. Иван Грозный – *В.П.*) начал эту войну не с намерением покорить города, крепости или земли ливонцев; он хотел только доказать им, что он не шутит, и хотел заставить их сдержать обещание, и запретил также своему военному начальнику осаждать какую либо крепость». Да и князь А.М. Курбский также прямо указывал на то, что он и его воины получили приказ «не градов и мест добывати, но землю их (ливонцев – *В.П.*) воевати»¹⁹. И если к этому добавить сведения о составе и структуре московской рати, то на фоне всего этого несколько странно звучит мнение, высказанное А.И. Хорошкевич, которая писала, что «задуманный с огромным размахом, поход разбился о подводные камни внутривосточных разногласий, которые сопровождали Ливонскую войну на протяжении почти всего ее хода»²⁰. Нет, речь шла именно о «продолжении политики иными средствами», о, говоря словами Б.Н. Флоры, «военной демонстрации», «которая должна была принудить Орден отказаться от своей политики саботажа».²¹ Отпуская свою рать «в зажитье» в богатые ливонские земли, царь рассчитывал одним выстрелом убить двух зайцев – дать своим небогатым и свирепым детям боярским, и тем более новым подданным, татарам, прекрасную возможность разжиться «животами» и пленниками, а непонятливым ливонцам наглядно продемонстрировать, что худой мир лучше доброй ссоры, и что лучше заплатить требуемую с них сумму, чем терпеть разорение и опустошение. А в том, что царские ратники отнюдь не намерены церемониться с государевыми врагами, могли убедиться псковичи еще в конце 1557 г., когда поход еще только-только начинался. Как писал псковский летописец, «князь Михайло (Глинский – *В.П.*) людьми своими, едоучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубежи люди его деревни Псковьские земли грабили и животы секли, да и двory жгли христианския»²². И если уж на своей земле царские «воинники» вели себя как во вражеской, то как бы они действовали «за рубежом», когда их никто и ничто не сдерживало? Справедливости ради отметим, что поведение немецких ландскнехтов в той же Ливонии было примерно таким же, как детей боярских и уж тем более татар на Псковщине²³.

Но вернемся же обратно к описанию зимнего 1558 г. похода русских войск в Ливонию. Русско-татарский огненный смерч пронесся преимущественно по землям Дерптского епископства, краем задев владения собственно Ордена и рижского архиепископа, и носил, по словам И.А. Филошкина, «специфический характер», поскольку воины Ивана Грозного «не брали городов и замков (да и сложно было это сделать, не имея «großen geschütze», тяжелой артиллерии – *В.П.*) но картинно осаждали их, жгли и грабили посады, разоряя округу». За время 2-недельного рейда, по словам историка, было сожжено и разграблено около 4 тыс. дворов, сел и мыз²⁴. Ливонские власти не смогли противопоставить русским ничего равнозначного – «конфедерация», несмотря на очевидную угрозу войны, не сумела быстро отмобилизовать более или менее равнозначные русским силы. Согласно тому же Реннеру, счет пеших и конных воинов в гарнизонах ливонских городов и зам-

¹⁸ Поэтому мы не согласны с мнением А.И. Филошкина, полагавшего, что в январе 1558 г. по Ливонии огнем и мечом прошелся 8-тыс. русский отряд (Филошкин А.И. Андрей Курбский. С. 96).

¹⁹ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 67; Рюссов Б. Ливонская хроника. С. 360.

²⁰ Хорошкевич А.И. Россия в системе международных отношений середины XVI в. С. 210.

²¹ Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. М., 1979. С. 77. См. также: Виноградов А.В. Внешняя политика Ивана Грозного // История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 161, 163.

²² ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235. В описи царского архива значится дело о «сыске князя Михаила Глинского про грабеж, как шел в ливонскую землю» (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 38).

²³ Рюссов Б. Ливонская хроника. С. 349.

²⁴ Филошкин А.И. Андрей Курбский. С. 96; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. С. 88. Псковская летопись сообщает о 3,5-недельном рейде, Курбский – о месяце (Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 67; ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235).

ков шел на десятки, в лучшем случае (как в Дерпте) на сотни бойцов²⁵. Естественно, что при таком соотношении сил вступать в «прямое дело» с бесчинствующими московитами было бессмысленно, и не случайно тот же Курбский писал (а в походе он был первым воеводой Сторожевого полка), что за все время, пока они «воевали» «землю Ифлянскую», неприятель «нигдеже опрошася нам битвою»²⁶. В лучшем случае небольшие ливонские отряды, осмеливавшиеся покинуть свои замки и города, побивали отдельные мелкие русские и татарские «загоны», брали немногих пленных, и поспешно укрывались обратно за стенами и башнями, не решаясь вступать в бой с главными силами московской рати. Там же, где они пытались сделать это, их ожидал сокрушительный разгром, как это было под Дерптом или 4 февраля под городком Фалькенау (русские называли его Муков)²⁷.

Но это все было потом, а пока, перейдя в 4-х местах русско-ливонскую границу под Псковом 22 января 1558 г.²⁸, царское воинство разделилось. Главные силы во главе с князем Глинским и «царем» Шах-Али двинулись на Дерпт-Юрьев на северо-запад, обходя Чудское озеро, а часть сил была отряжена на запад и юго-запад. Этой «лехкой» ратью командовали князь В.И. Барбашин и Ю.П. Репнин, а также Д.Ф. Адашев. Помимо татар, «черкас пятигорских» и некоторого числа русских детей боярских, в нее вошли также стрельцы стрелецкого головы Т. Тетерина и казаки, которые, надо полагать, должны были поддерживать огнем действия легкой иррегулярной конницы на тот случай, если неприятель попытается контратаковать.

Действия этой рати, надо сказать, были весьма успешны. Подвергнув опустошению владения Ордена и Рижского архиепископа, они приковали к себе внимание магистра и архиепископа и не позволили им оказать помощь епископу Дерпта, на которого обрушился главный удар. Летописец, опираясь на воеводские «отписки», потом писал, что «князь Василей и князь Юрьи и Данило воевали десять ден», и «у Нового городка (Нейгаузен – В.П.) и у Керекепи (Кирумпаэ – В.П.) и у городка Ялыста (Мариенбург, под которым русские объявились 23 января²⁹ – В.П.), да у городка у Курслова (Зоммерпален – В.П.), да у Бабия городка (Улцен – В.П.) посадки пожгли и людеи побии многих и полону бесчислено множество поимали». За 10 дней «лехкая» рать Барбашина, Репнина и Адашева опустошила местность «подле Литовской рубеж, вдоль на полтораста верст, а поперег на сто верст» – можно только удивляться той скорости, с которой действовали русские и татары!³⁰

Завершив свою опустошительную работу в этом районе, русско-татарская рать повернула к северу, на соединение с главными силами под Дерптом, и «сошлись с царем и с воеводами под Юрьевом дал бог здорово». Суровая зима для них – по словам псковского книжника, «зима была тогда гола без снегоу с Рожества христова, и ход был конем ноужно грудовато»³¹, – вовсе не была помехой. Собравшись воедино под Юрьевом-Дерптом, русские полки в течение 3-х дней беспощадно опустошали его окрестности, после чего переправились через Эмбах и двинулись дальше к северу, «направо к морю». Держа главные силы в кулаке на случай появления крупных сил неприятеля, Глинский, Юрьев и Шах-Али медленно катились огненным валом в северном направлении. Как писал летописец, воеводы «воину послали по Ризской дороге и по Колыванской и воевали до Риги за пятьдесят верст, а до Колывани за тридцать» (11 января русские отряды добрались до Везенберга – В.П.)³². Рассылаемые же воеводами во все стороны мобильные отряды делали то, что им было приказано – *brennen, morden, rauben und todschlagenn*. Примером действий одного из таких отрядов может служить экспедиция под Лаис. Получив от пленников известия о том, что под ним «большая збеж», воеводы «под Лаюс город посылали голов стрелецких Тимофея Тетерина да Григория Кафтырева, а с ними их сотцкие с

²⁵ Renner J. Op. cit. S. 164, 165, 166, 170, 171. Ср., например: Riga's ältere Geschichte in Uebersicht, Urkunden und alten Aufzeichnungen // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. IV. Riga, Dorpat und Leipzig, 1844. S. 167.

²⁶ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 67.

²⁷ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 261; Renner J. Op. cit. S. 167.

²⁸ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 87. Первые известия от беглецов с границы орденские власти получили утром следующего дня, 23 января (Archiv. Bd. II. S. 87).

²⁹ Briefe. Bd. I. S. 44.

³⁰ Ibid.

³¹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235.

³² ПСРЛ. Т. XIII. С. 290; Форстен Г.В. Указ. соч. С. 88.

стрельцы, да голов с детми боярскими Михаила Чеглокова да Семенку Вешнякова да Федора Ускова и Татар и Черкас и Мордву». Из этого перечня видно, что под Лаис отправился примерно 4-тыс. русский отряд (около 1 тыс. стрельцов, 500-600 русских детей боярских и до 3 тыс. татар, мордвы и «пятигорских черкас»). Стрельцы Тетерина и Кафтырева были, надо полагать, посажены на-конь, чтобы не отставать от легкой русско-татарской конницы, и шли, как это было во время той же 3-й Казани, в авангарде «лехкой» рати с тем, чтобы поддержать огнем конницу, если вдруг она наткнется на противодействие ливонцев. Однако и на этот раз противник не рискнул вступить в «прямое дело». 5 февраля 1558 г. «головы под город пришли, – писал летописец, – а посад пожгли и побили многих людей, убили болши трех тысяч, а поимали множество полону и жеребцов и всякие рухледи»³³. Можно только представлять, какая трагедия, разыгравшаяся под стенами Лаиса, скрывается за этими сухими летописными строками, явно заимствованными из официального воеводского отчета о проделанной работе! Война в те времена – дело чрезвычайно жестокое и беспощадное, и по отношению к мирному населению – совсем не рыцарское.

В середине февраля 1558 г. русское войско пересекло границу южнее Нарвы, переправившись через Нарову по Козьему броду «выше города Ругодива», «и люди царя и государя дал бог все с воеводами вышли здорова», – писал летописец, – «а государевых людей убили под Курсловом в воротех Ивана Ивановича Клепика Шеина да в загонех и ыных местех пяти сынов боярских да стрелцов десять человек да трех татариннов да боярских человек с пятнадцать, а иные люди дал бог здорово». С вестью-сеунчом об успешном окончании похода в Москву поспешили гонцы: от больших воевод и от «царя» – два татарина, «князь Канбаров Мангит да Семев-мурза Кият», а от Глинского и Юрьева – князь В.И. Барбашин и стрелецкий голова Т. Тетерин. 20 февраля гонцы были приняты царем, и он, конечно же, не оставил прибывших без награды. Набег закончился, как казалось на первый взгляд, полным успехом – «неразумные» ливонцы, осознавая свою неспособность противиться требованиям москвитя силой, решились заплатить требуемую с них дань.³⁴ Однако это решение уже запоздало, и остановить начавшуюся войну, которая закончилась вовсе не так, как предполагали ее зачинщики, оказалось невозможно.

BEGINNING OF LIVONIAN WAR: RUSSIAN TROOPS RAID IN LIVONIA, WINTER 1558

V.V. PENSKOY

*Belgorod National
Research University*

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

This article written with use numerous Russian and Livonian sources and devoted the initial stage of Livonian War 1558-1583. The basic attention in it is given the description of battle operations in Livonia in the winter 1558.

Key words: the Eastern Europe in early New time, the international relations in the Eastern Europe in XVI century, Livonian War 1558-1583.

³³ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 261; Форстен Г.В. Указ. соч. С. 88.

³⁴ См., например: Форстен Г.В. Указ. соч. С. 90-91.